

УДК 94(47).043

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.693-714

EDN: FGCOSN

СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ В ВОЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ РОССИИ В 1618–1634 ГГ.

Б.А. Илюшин

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
arunta-desert@yandex.ru*

Цель исследования: изучить участие российских служилых татар в военных мероприятиях Российского царства в 1618–1634 гг., от Деулинского перемирия до Смоленской войны (1632–1634 гг.) включительно.

Материалы исследования: разрядные книги и актовый материал.

Результаты и научная новизна: анализ данного вопроса помогает понять место служилых татар в вооружённых силах Российского царства в годы медленного восстановления его военного потенциала, снизившегося в Смуту. В 1619–1631 гг. татары, как и другие категории служилых людей, служили в основном по «половинам», сменяясь в «украинных» и уездных городах, где располагались рати на случай польского, крымского или ногайского нападения. Рассмотрение отдельных эпизодов позволяет также выяснить или делать предположения о численности татар и их доле в составе отдельных российских ратей, их боевых задачах, перечне татарских служилых корпораций. Единновременно в документах фигурируют на службе от 2204 до 2947 татар, причём их число со временем увеличивается.

Служилые татары ряда уездов приняли участие в Смоленской войне 1632–1634 гг. Установить их точную численность в этом военном конфликте не удалось, поскольку многие учтённые в разрядах служилые люди из-за бедности не могли выехать на службу или покидали театр боевых действий. Нетство носило массовый характер, среди дезертиров были и служилые татары. Военные действия свелись в основном к осаде российским войском Смоленска с последующей его атакой поляками. Служилые татары, наряду с детьми боярскими, занимались разведкой и захватом языков. Остававшиеся «по домам» татары вместе с другими ратниками были мобилизованы в новое войско осенью 1633 г., но из-за неизжитой после Смуты бедности большинство не смогло явиться в войско, а в начале 1634 г. война закончилась капитуляцией российского войска под Смоленском.

Таким образом, впервые в историографии нами было подробно рассмотрено участие служилых татар в военных мероприятиях указанного времени.

Ключевые слова: служилые татары, военная история, войско Российского царства, Смоленская война 1632–1634

Для цитирования: Илюшин Б.А. Служилые татары в военных мероприятиях России в 1618–1634 гг. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 693–714. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.693-714 EDN: FGCOSN

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки РФ в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

THE SERVING TATARS IN THE MILITARY ACTIVITIES OF RUSSIA IN 1618–1634

B.A. Ilyushin

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
arunta-desert@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* The purpose of our research is to consider the participation of Russian serving Tatars in the military activities of the Russian Kingdom in 1618–1634, a period dating from Deulin armistice to the end of the Smolensk War (1632–1634).

Research materials: The study is based on the data found in “Razr’ad” books and various documentary material.

Results and novelty of the research: The participation of serving Tatars in the mobilization activities and military actions of this period allows us to determine their place in the armed forces of the Russian state during years that saw the slow restoration of military potential that had decreased during the Time of Troubles. Serving Tatars, like other categories of serving peoples, served mainly in “halves,” moving in shifts among frontier cities and districts cities where troops were stationed in case of an attack by the Crimean Tatars, Nogais, or Poles. The analysis of the sources here allows us to determine the approximate number of serving Tatars, the range of their combat missions, and the list of Tatar serving corporations. According to such documents, strengths ranging from 2204 to 2947 Tatars appear in military service at the same time, and their number increases over time.

By the Smolensk War of 1632–1634, the consequences of the Time of Troubles had not yet been surmounted. For this reason, many serving peoples could not go into service because of poverty, or they deserted because of it. Owing to this, it is difficult to determine the exact number of serving Tatars who took part in the war; apparently, some city corporations of Tatars did not participate in it although they were listed in the military estimates. Military operations were reduced mainly to the siege of Smolensk by the Russian army, followed by the Polish attack on the city. The serving Tatars, like the boyar children, were engaged in the searching out and capture of “tongues” (prisoners of war). The Tatars who remained in their district cities and at home, like other serving peoples, were mobilized into a new army in the autumn of 1633. However, it did not have time to help the siege contingent at Smolensk which capitulated in February 1634, suffering significant losses.

The scientific novelty of our research is that it for the first time in historiography, this work examines in detail the participation of the serving Tatars in the military activities of the Russian Kingdom in 1618–1634 and makes a number of conclusions about their contribution to the defense of the Moscow state.

Keywords: Serving Tatars, military history, army of the Russian Empire, Smolensk war 1632–1634

For citation: Ilyushin B.A. The Serving Tatars in the military activities of Russia in 1618–1634. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 693–714. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.693-714 (In Russian)

Acknowledgments: The study was carried out as part of the implementation of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

Военная история служилых татар становилась объектом исследований значительно реже, чем их правовое, социальное и экономическое положение. А ведь это – один из важнейших аспектов истории данной категории российских ратников XV–XVII вв.

Под служилыми татарами в статье понимаются лица преимущественно татарского происхождения¹, несшие военную службу с поместий и / или за жалование, и, фактически, являвшиеся частью поместной конницы. В статье не рассматриваются сибирские служилые татары (поскольку это обособленная группа, чья военная история не связана с военной историей европейской части России рассматриваемого периода), башкиры и представители различных групп степных ногаев (едисанов, юртовских татар), кроме романовских ногаев, поскольку с момента их испомещения в районе Романова по своему положению они фактически слились с остальными служилыми татарами. Затрагиваются также сведения о новокрещенах при тех или иных татарских «корпорациях», поскольку зачастую это те же татары, но принявшие крещение, и не всегда сведения об обеих группах служилых людей можно чётко разграничить.

Хронологические рамки исследования определяются тем, что 1619–1634 гг. были периодом восстановления экономики Российского царства и его вооружённых сил после Смуты, в завершение которого была предпринята попытка вернуть Смоленск. После мирных 1619–1631 гг. случилась война, показавшая как преждевременность этой попытки, так и насущную необходимость кардинальных реформ российских вооружённых сил на фоне кризиса прежней поместной системы, в которую входили и служилые татары. Реформы и накопление ресурсов после Смоленской войны в относительно мирных условиях велись до новой войны с Речью Посполитой (уже за Украину), что также можно считать отдельным периодом российской военной истории.

В историографии имеются только редкие публикации по данной теме; особенно мало их по рассмотренному нами периоду. Сжатый (с учётом неэкономного использования пространства страниц) обзор военной истории касимовских служилых татар за 1619–1634 гг. имеется ещё в работе В.В. Вельяминова-Зернова [2, с. 29–33, 220–230]. Однако вплоть до конца XX в. военная история служилых татар мало привлекала историков. В последние два десятилетия ситуация поменялась, хотя и не радикально. Участие служилых татар в войнах XVII в. бегло охарактеризовано в монографии А.В. Белякова [1, с. 247–251]. Военная служба арзамасских, алатырских и курмышских татар также кратко рассмотрена С.Б. Сенюткиным. Смоленской войне там уделено менее страницы [31, с. 68–81]. В статье 2018 г. мы рассмотрели участие служилых татар в войнах 1613–1618 гг. [9, с. 766–782]. Настоящая же работа продолжает обзор их военной истории.

Между Деулинским перемирием с Речью Посполитой (1618 г.) и Смоленской войной, начавшейся в 1632 г., масштабных военных действий с участием российских вооружённых сил не было, поскольку восстановление российского военного потенциала, снизившегося за годы Смуты, проходило медленно. Служилые люди, однако, из года в год выезжали на службу – кто в украинные города на случай прихода поляков или татар, а кто в центры своих уездов. Служилые татары в эти годы также частью включались в состав полков на «украинах», а частью – проживали по несколько месяцев в своих уездных го-

¹ Как уже отмечалось в историографии, в состав служилых татар попадали также представители мордвы, марийцев и чувашей, что было связано в первую очередь с ассимилятивными процессами в ряде уездов, где рядом проживали служилые представители этих народов.

родах. Служили в основном по «половинам», когда одна часть корпорации (примерно её половина) около года с перерывом на зиму была на службе (год отсчитывался по сентябрьскому стилю – с сентября по август), а другая находилась «по домам», и выезжала только в случае тотальной мобилизации.

Небольшие боестолкновения, однако, наблюдались в это время на степных границах – с ногаями и крымцами. В Смуту охрана «украин» сильно ослабла, что привело к безнаказанным грабёжам и уходу многочисленного полона степняками. По «крымским вестям» в марте 1619 г. в украинные города были посланы полки в которых были и служилые татары. В Переславле-Рязанском с С. Прозоровским было 964 чел., включая 30 бардаковских татар [10, с. 623–624]². Юго-восточные окраины от ногайских набегов охраняли, как и раньше, станицы из мещерских служилых татар [30, с. 813–816].

Стояли полки и в северо-западных городах на случай нападения шведов. В 1618/1619 гг. 27 татар и новокрещенов были во Пскове среди стоявших там ратников (которых в общей сложности насчитывалось 1814 чел.) [10, с. 642].

В «лето 7127» в Серпухове стояли 19 серпуховских новокрещенов и татар, 7 боровских и 2 татар московского уезда (вместе с 431 ратником других категорий) [10, с. 654]. С конца марта 1619 г. в Калуге велено было быть С.В. Головину с пешими и конными ратниками. Последних было 191 чел., включая 11 татар и новокрещен [10, с. 656].

В мае 1620 г. полки были посланы «на украины» в ожидании набегов крымцев и ногаев. В Большом полку, стоявшем в Туле, насчитывалось 3072 чел., из которых 182 – татары (36 чел. из Московского, 69 – из Боровского, 25 – из Серпуховского, 52 – из Коломенского уездов). Передовой полк находился в Деделове и включал 1621 чел., среди которых 228 арзамасских татар (14%). В Крапивне – Сторожевой полк из более чем 1300 чел., включая 114 романовских татар. В Переславле-Рязанском татары составляли примерно треть контингента – 435 на 833 русских служилых. Это 35 бардаковцев и 400 темниковцев. В Михайлове с Ю.И. Шаховским и 189 дворянами стояли 500 касимовских и 200 кадомских татар. В Пронске было свыше 460 дворян и 80 ценских татар [10, с. 679–680]. Таким образом, по украинным городам единовременно служили 1739 татар. Затем была произведена перегруппировка. Ратники из Деделова, Переславля и Крапивны был направлен на сход в Большой полк, из Михайлова – в Передовой, а из Пронска – в Сторожевой [10, с. 681]. В сентябре большая опасность миновала и служилых людей стали распускать по домам [10, с. 731]. Но для охраны границ часть служилых была оставлена (или призвались на службу новые). Среди почти 7 сотен ратников в Переславле-Рязанском отмечены 37 бардаковских татар (вероятно, это те, кто остался с предыдущего сбора). Судя по всему, служилые должны были выезжать в станицы и посменно (по 100 чел.) караулить границы [10, с. 733].

В последующие годы наблюдается устойчивая система распределения полков по «украинным» городам с относительно стабильным составом. Служилые татары, как и дворяне, служили в них в основном по «половинам» (очередям, примерно соответствующим половине общей численности городской корпорации), причём при роспуске основных сил небольшая часть

² Отметим, что в разрядной книге зачастую приведены ошибочные подсчёты общей численности служилых в тех или иных городах. Мы везде даём пересчитанные цифры по татарам и полкам, в которых они находились.

служилых людей (в т.ч. татар) оставалась в местах службы, дабы не оставлять «украины» без обороны. Ниже мы рассмотрим данные по служилым татарам суммарно за 1620–1631 гг., поскольку более детальный разбор сведений по численности и местам службы отдельных групп служилых татар в эти годы занял бы объём, значительно превосходящий рамки данной статьи [8, с. 213, 214; 10, с. 734–737, 769–772, 781–783, 787, 802, 857, 862–863, 877–880, 886–892, 986, 1061–1064, 1143–1148, 1176–1181, 1230, 1239, 1241, 1245, 1249–1255, 1273, 1287, 1290–1293, 1321, 1327, 1337, 1348, 1352, 1354, 1356, 1357, 1358, 1360–1362; 11, с. 3–7, 23–25, 28, 67–68, 78, 83–86, 88, 89, 92, 93, 103, 104, 115–123, 167–168, 184, 188–190, 192, 194, 198–200, 213, 222–226, 244, 255, 257, 258, 261, 266, 270–271, 284, 287–289, 290–291, 295–296, 307–309, 312–314, 333, 337–338, 350, 353–356, 360, 361; 21, с. 326; 22, с. 326–327]. В подсчётах не учитываются некомбатанты (воротники, дворники, толмачи, а также городское и ясачное ополчение).

Алатырские татары отмечены за 1625–1631 гг. при Алатыре и насчитывали 407–420 чел. (это 20–32% местных ратников без учёта ополченцев из мордвы).

Арзамасские татары в 1621, 1623–1630 гг. служили в Передовом полку в Дедилове, насчитывали 102–135 чел., и составляли от 7 до 17% состава полка. В 1629 г. 217 татар отмечено в Арзамасе. Видимо, это общая численность обеих «половин».

Бардаковские татары служили в 1621–1631 гг. Переславле-Рязанском, где их числилось по 7–18 и 33–34 чел., что составляло незначительную часть контингента, но вместе с более многочисленными темниковскими / кадомскими татарами они составляли в первые годы 21–34,6%, позже – 10–12%.

Кадомские татары в 1622 г. отмечены в Переславле-Рязанском – 243–258 чел., где с бардаковскими татарами составляли 32% личного состава. В остальные годы (1621, 1623–1630) они служили в Михайлове – 123–259 чел., где с касимовскими татарами составляли 43–80% состава. Кроме того, их «половина» (120–132 чел.) в 1624/1625–1629 гг. отмечалась в Кадоме, где без учёта ясачных ополченцев они составляли более половины «гарнизона». В 1630–1631 гг. в Кадоме записаны обе «половины» (250 чел.).

Казанские служилые татары насчитывали 220–275 чел. (видимо, с учётом новокрещённых – 324), что составляло от 4,6 до 12,8% служилых Казанского уезда.

Касимовские татары (Сеитов полк и Царёв двор) в 1621–1630 гг. служили в Михайлове (220–289 чел.) вместе с татарами кадомскими (см. выше), а в 1622 г. – их «половина» стояла также в Пронске (213 чел., 38–40% от пополнявшегося личного состава). В самом Касимове татары составляли почти весь личный состав служилых людей в 1624/1625–1631 гг. (200–222 чел., иногда отмечались обе «половины» – 409 чел.).

Курмышские татары в 1625–1631 гг. отмечены при Курмыше и насчитывали 124–128 чел. (14–25% местных служилых людей).

Татары и новокрещённые московских городов в 1621 г. служили в Большом полку (Тула) – 100 чел. (6,6% состава), а в 1628–1631 гг. – в Крапивне (68–307 чел., до 14% состава). В разрядах имеются сведения по численности представителей отдельных уездов (в 1629 г. она возросла за счёт новиков) [10, с. 20–21, 116–119, 213, 220–221, 307]: из Московского – 45–66, из Боров-

ского – 60–87, из Малого Ярославца – 3–4, из Серпухова – 24–35, из Калуги – 11–28, из Коломны – 50–72, из Каширы – 18–21 человек.

В Нижнем Новгороде отмечены только 10 крымских татар (1629, 1630 гг.) – пленники или нововыезжие на службу [13, с. 173].

Новгородские татары (иногда служившие и во Пскове) были малочисленны, и вместе с новокрещенами и черкасами насчитывали 36–39 чел., что составляет ок. 1,5% местных служилых людей, стоявших на Северо-Западе на случай шведского нападения.

Романовские татары в 1621, 1623 гг. служили в Сторожевом полку (Крапивна), насчитывая 50 чел. (4,5–6,3% его состава), а в 1626–1627 и 1630 г. – в Вязьме (90–180 чел., 6,2–10% состава).

Свияжские служилые татары насчитывали в 1625–1631 гг. 203–213 чел., и без учёта ясачных ополченцев составляли от 11 до 30% местных ратников.

Темниковские татары в 1621, 1623–1631 гг. служили в Переславле-Рязанском – 171–205 чел. (иногда числились обе «половины» – 406 чел.), где с бардаковскими татарами составляли от 10–17 до 26–34% личного состава. Другая «половина» составляла почти весь «гарнизон» Темникова в 1624/1625–1629 гг. (в 1629–1630 гг. тут записаны обе «половины» – 380 чел.).

В Уфе в числе прочих служилых людей отмечены в 1625–1631 гг. 3 служилых татарина.

В Царицыне в 1626–1627 гг. отмечено 203 служилых татарина (и 23 новокрещена), что составляло 13–17% всех служилых людей.

Цненские татары в 1621, 1623, 1625–1630 гг. служили в Пронске и насчитывали до 88 чел. (или 36–47 по отдельным «половинам»), что составляло от 3 до 40% всех служилых. В 1622 г. они служили в Шацке; судя по всему, ошибочно их численность документ за этот год оценивает в 318 чел.

В Ярославле числились 2 татарских царевича, 5 мурз, 11 новокрещенов и татар.

С 1625 по 1630 гг. общая численность служилых татар, единовременно числившихся на службе, повышалась с ок. 2204 чел. до ок. 2793 чел. в 1629 г. и ок. 2947 чел. в 1630 г. (в последнем случае цифры могут быть неточны, поскольку в уездных центрах записаны в некоторых случаях обе «половины», хотя одна могла служить на «украинах»). Цифры приблизительны, поскольку имелись ещё новгородские татары, но они записаны вместе с новокрещенами и черкасами.

В 1628 г. на службе могло находиться и больше татар. В тот год в 7-тысячной воинской группировке на Туле (Большой полк) и в Мценске (Прибылой полк) числилось 906 татар (ок. 13% состава) [11, с. 28]. К какой корпорации они относились не указано; возможно, это командированные татары из других украинских городов; в противном случае за 1628 г. нужно отметить 3508 служилых татар.

Однако, приведённые выше результаты скрупулёзного пересчёта дьяками служилых людей показывал только потенциальную их численность, на деле же на службу выезжало меньшее число ратников. В нетях по уважительным и неуважительным причинам каждый год оказывалась определённая часть помещиков, причём из-за фрагментарности сохранившейся документации и разбросанности подсчётов по разным фондам на настоящий момент установить сколько реально служилых татар выезжало на службу в 1620-е гг. за-

труднительно. Известно, что летом – осенью 1625 г. в Москве рассматривались дела о нетчиках. В нетях оказалось немало и служилых татар. В Переяславле-Рязанском на июль должны были находиться 16 бардаковских и 188 темниковских татар, но при пересмотре оказалось 13 и 147 соответственно. Расспросы показали, что из нетчиков 3 не были на службе, хотя могли служить по материальному состоянию, 3 съехали, хотя также могли служить, ещё 1 съехал, но о его состоянии неизвестно; 2 болеют и съехали, 1 болеет в Переяславле-Рязанском, 3 не были по бедности, 9 съехали по бедности и ещё 9 «бродят меж дворов» (возможно, также из-за бедности). В Михайлове вместо 205 касимовских и 128 кадомских татар – 144 и 116 чел. соответственно. В нетях – 82 татарина. Трое не были, поскольку крестились, 14 не ездили на службу по болезни, 48 не были по бедности, 13 съехали по бедности и 4 померли. В Пронске вместо 42 было 39 ценских татар, но двое в отъезде по делам, а один сбежал, хотя мог служить. Нетчиков, покинувших службу без уважительной причины, предписывалось наказать и лишить части земли и жалования [7, с. 199–202]. Некоторые данные есть по последующим годам³, однако, для более точной оценки реальной численности выезжавших на службу татар в рассматриваемый нами период данных пока мало.

Выяснение причин изменений численности служилых татар в мирные 1619–1631 гг. не входят в нашу задачу, тем более, что сведения даже по уездам с наиболее хорошо сохранившимися источниками фрагментарны. Осмотр описей и аннотаций дел по ним (например, Темниковской приказной избы⁴) позволяет предположить широкий спектр причин (старость, смерть по естественным и криминальным причинам, увечность, взросление новиков и др.), не относящихся непосредственно к военной истории.

Отметим также и другие важные сведения из службы татар за эти годы.

В октябре 1621 г. назревал новый конфликт с поляками, и по городам были разосланы из Москвы грамоты, сообщавшие о разных «неправдах» короля, королевича и панов Рады. Служилым людям было велено готовиться к войне, откармливать лошадей и запастись провиант. Вскоре по городам были высланы разборщики – для разбору детей боярских, дворян, татар и др. ратных людей. Отметим, что в Ярославле «разбирали» романовских татар, в Муроме – касимовских, в Нижнем Новгороде – арзамасских, алатырских, темниковских, кадомских, курмышских, в Переяславле-Рязанском и Шацке – ценских и бардаковских. Воеводам отдельно указывалось вызывать в города служилых разных корпораций по отдельности, дабы они, съехавшись разом, не учинили «тесноты». Пересмотрев всех «налицо», следовало выступить перед служилыми с речью о польских «неправдах» [10, с. 781–783, 787]. Кроме того, всем категориям служилых людей предписывалось быть на службе «конно, людно и доспешно», причём за халатное отношение к этому требованию полагалось наказание [10, с. 802]. Однако, вряд ли большая часть служилых людей после разорения Смуты физически могла выполнить такое требование.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 107. Неявка на службу кадомских мурз и татар в Михайлов в лето 7143 (1634/1635). Лл. 229–230; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 107. Неявка на службу в Переяславль-Рязанский темниковских мурз и татар, а также детей боярских курмышан, алатырцев и белозерцев в лето 7143 (1634/1635). Лл. 135, 159, 160, 213–221, 331–335.

⁴ РГАДА. Ф. 1167.

В марте 1622 г. на польское пограничье на случай войны были посланы полки. В Торопце среди почти полутора тысяч чел. числился 61 кормовой новокрещенный татарин. В Вязьме по списку насчитывалось 1410 чел., среди них – 218 татар и новокрещенов (15,4%): 43 московского уездов, 67 боровских, 53 коломенских, 25 серпуховских, 16 каширских, 12 калужских, 2 из Малого Ярославца [10, с. 832–833].

Возможно, к этому времени относятся две черновые разборные десятины из собрания РГАДА по Московскому уезду, где числились 5 татар⁵, и по Боровску⁶ (7 татар более чем на 100 чел.). Разбор в обоих случаях выполнил боярин Б.М. Салтыков, причём во втором случае – на Калуге. Оба документа датированы летом 7130 (1621/1622 г.). Видимо, это только часть служилых людей из указанных корпораций. Все татары вооружены исключительно саадаком. Хотя ручное огнестрельное оружие вообще было нехарактерным для служилых татар на протяжении и всего XVII в., а часть указанных в десятинях лиц имели свыше 300 четей земли и коней (а не более дешёвых меринов), тем не менее можно полагать, что материальное их положение после Смуты оставалось тяжёлым, поскольку ни у кого не указаны не только доспехи, но даже сабли.

Иную картину даёт разборная десятина Бежецкой пятины лета 7130 (1621/1622 г.). Судя по наличию сабель у некоторых татар и новокрещенов, Смуту они прошли более благополучно, чем их сослуживцы из центрального региона. Однако, более чем половина этих служилых людей (15 чел.) не могли нести дальнюю службу, записаны на городовую, поскольку их поместья были разорены «немецкими» и «литовскими» людьми, и они не имели ни верховых лошадей, ни вооружения. Отмечается, что на дальнюю службу часть новокрещенов и татар может выехать на «меринках», но в случае пожалования от царя они будут на «добрых мериных» (чьё качество выше). Основная часть записанных в десятню служилых людей – новокрещены во втором-третьем поколении, но присутствуют и несколько этнических татар. Вооружение отмечено у 10 чел., из которых только двое (татарин и новокрещен) вооружены саадаком, остальные (включая татарина Ашмамета Ахметова) – пищалями; у всех также имеются сабли. Несколько служилых особо отмечали, что доспеха у них никакого нет⁷. В данном случае, вероятно, сказывалась специфика театра военных действий (противники поголовно вооружён ручным огнестрельным оружием), а также состав этой группы служилых (в основном новокрещены). Остальные известные нам источники всё же не позволяют говорить о сколько-нибудь широком распространении ручного огнестрельного оружия среди служилых татар XVII в.

Отметим также, что служба на окраинах заключалась не только в проведывании неприятеля. Головы (командиры) с ратниками должны были выезжать на засеки, укреплять их (валить лес), чистить рвы и укреплять башни острогов [10, с. 98]. Верховное командование учитывало специфику «полевой» службы и предписывало направлять на разведку подготовленных людей, особенно тех, у кого «татарский промысел за обычай»; это могли быть как русские люди, так и татары. За исполнение службы обещалось государево жалование [5, с. 198–199].

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Десятни. Кн. 112, лл. 1–18.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Десятни. Кн. 177, лл. 1–56, л. 47 об.

⁷ Ф. 210. Оп. 4. №135. Лл. 224–242.

В связи с относительным спокойствием на границах значительная часть служилых людей в рассматриваемые годы служила не в походах и на «украинах», а в городах, где обычно проходили сборы. Имеющиеся у нас источники фиксируют такую ситуацию начиная с 1624/1627 года. Судя по всему, во многих случаях разрядные книги фиксируют на местах полный состав татарских корпораций, «половины» которых находились на службе в пограничных городах.

Весной 1630 г. имелись опасения крымского или ногайского вторжения. В царском указе от 30 марта прямо говорилось о противодействии на этом направлении, для чего и высылались в украинные города полки [11, с. 217]. В отличие от прошлого года служилые татары не отмечены в Передовом полку в Дедилове, а также Михайлове и Пронске. При этом присутствие в тех городах татар видно по царским наказам [11, с. 222–226]. Численность некоторых групп татар определяется только в связи с их осенним роспуском по домам.

Размеренный характер ежегодной службы татар и других российских ратников прервала Смоленская война, в ходе которой Россия попыталась вернуть потерянный в Смуту Смоленск. Войне предшествовали генеральный «разбор» служилых людей 1630/1631 года и создание первых полков «нового строя».

Разбор 1630/1631 г. был сопряжён с большими трудностями и на местах зачастую приводил к неразберихе [12, с. 95–97, 108]. Приведённые в смете служилых людей цифры, судя по всему, неточны, и, в любом случае, не отражают адекватно военный потенциал России накануне большой войны, поскольку далеко не все ратники могли выступить в поход: у многих не было средств, часть городов (особенно в Нижнем Поволжье и Сибири) нельзя было оставить без гарнизонов. При пересчёте сметы (и с учётом сведений разрядных книг) мы получили такие приблизительные цифры: 6583 служилых татар, ногаев, мурз, князей, а также новокрещеных из смешанных групп, 199 воевод, приказных людей и осадных голов, 18719 чел. стрельцов, 1664 казаков Казацкого приказа, 1608 иноземцев, 3569 людей Пушкарского приказа, 46105 остальных служилых (включая дворян, новокрещеных и башкир), а также 149 тарханов и 24558 дворов ясачных мордвы, марицев, чувашей и татар (это 8186 чел.)⁸. Потенциально общая численность служилых людей (без толмачей и некоторых других некомбатантов), таким образом, приблизительно равнялась 86802 человек, из которых служилые татары (включая смешанные группы с новокрещеными, но без 2925 ногайцев) составляли 4,2% (3658 чел.). Если же вычесть ясачное население, ногайских «федератов» и гарнизоны сибирских городов – получится чуть больше 70 тыс. ратников, из которых около 4% – это служилые татары (2923 чел.).

Рассмотрим численность конкретных служилых корпораций [32, с. 19, 40, 41, 43, 47, 48]. Новокрещены и поместные татары московских городов (всего 295 чел.): Московского уезда – 68, боровских – 87, малоярославских – 5, серпуховских – 31, калужских – 28, коломенских – 72, из Переславля-

⁸ В публикацию сметы 1631 г., видимо, вкралась ошибка: количество дворов чувашей и черемисов завышено – вместо 1754 и 1959 записано 1784 и 1789, поскольку при переписи документа или при публикации были спутаны цифры 50 и 80 (записаны они были схожими по написанию буквами Н и П); сверка с разрядными записями предыдущих лет позволяет исправить ошибку [11, с. 266, 288–289, 295–296, 354–361].

Залесского – 4 (или 5) чел. Казанские князья, мурзы, татары и новокрещены – 275 человек⁹. Свияжские князья, мурзы, татары и новокрещены – 205 человек¹⁰. Служилые «царевичи», мурзы поместные и кормовые, татары, не входившие в какие-либо корпорации – 47 чел. (включая мурзу в Ростове и одного татарина в Уфе). Романовские мурзы Сююш Юсупов и Барай Кутумов с 225 татарами¹¹. Курмышские татары – 124 человек, алатырские – 420 чел., касимовские – 409 чел., темниковские – 386 чел., арзамасские – 210 чел., кадомские – 250 чел., шацкие – 74 чел. Всего в европейской части России числилось 2923 служилых татарина и новокрещена (из них 776 чел. в смешанных с новокрещенами группах).

Общая численность российского войска, которое должно было идти к Смоленску, по разрядам составляла приблизительно 32832 чел. (в разрядной книге, видимо, ошибочно насчитано 32082 чел.) [11, с. 385–390]. Собиралось оно с большим трудом, поскольку всё ещё сказывались последствия Смуты. Отдельно отмечены в составе рати кн. С.В. Прозоровского 222 чел. татарских помещиков, включая 79 ярославских, 134 романовских и 9 переяславских. Под командованием стольника и воеводы Б.М. Нагово находились (помимо дворян) новокрещены и татары Московских городов (уездов Московского, Боровского, Каширского, Серпуховского, Калужского и Коломенского) – 210 чел. (причём отмечено, что это ратники «опричь 3 статьи», т.е. тут нет наименее обеспеченной части данных корпораций). Интересно, что среди порядка 14500 ратников «солдатского строя», помимо русских рядовых солдат, немецких командиров, наёмников и др. отмечены дети боярские, новокрещены и татары, а среди ратей главных воевод также 49 бардаковских новокрещенов, ещё не слившихся с дворянами и детьми боярскими. Возможно, в первом случае подразумеваются те дворяне, новокрещены и татары, что были записаны в солдаты [11, с. 385–390].

Служилые татары в войске по разрядам насчитывали 1430 чел., а также входили в состав смешанных корпораций численностью 210 чел. Без учёта последних получаем ок. 4,4% от всего войска. Укажем численность отдельных татарских корпораций: казанские татары – 88 чел., свияжские – 55 чел., курмышские – 7 чел., алатырские – 159 чел., касимовские – 268 чел., темниковские – 222 чел., арзамасские – 147 чел., кадомские – 174 чел., шацкие – 88 чел. В данном случае татары служили в основном по «половинам»; вторая «половина» осталась «по домам» или на службе в украинских городах.

Часть служилых татар и мурз к тому времени была записана в рейтары и солдаты [11, с. 577]. Запись служилых татар в рейтары отмечена и в документации М.Б. Шеина. Это: 7 касимовских, 4 темниковских, 6 шацких, 11 кадомских, 16 алатырских, 15 арзамасских, 1 свияжский и 1 курмышский татарин¹². Смоленская война стала первой проверкой российских полков нового строя.

Предварительные сборы были назначены в Можайске. При пересмотре «налицо» прибывших служилых людей воеводами оказалось, что реальная

⁹ При них голова – Тимофей Хотунский

¹⁰ Голова – Семён Малеванов

¹¹ По замечанию рецензента статьи, реальная численность романовских татар была ниже, и постепенно сокращалась, в т.ч. из-за крещения части татар.

¹² Перечневая роспись ратных людей, находившихся в полках бояр. М.Б. Шеина под Смоленском в 141–142 гг. Ф. 210. Оп. 9. №105. Л. 68.

численность войска значительно меньше ожидаемой – по «Перечневой росписи ратных людей под Смоленском 141 года» только 23961 ратник [14, с. 107, 117]. Многие служилые люди опаздывали или вовсе не ехали на службу. В отписках М.Б. Шеина от 23 августа и 9 сентября говорится о том, что заявленные для службы казанцы, понизовых городов, шацкие, арзамасские, кадомские, ротмистры и иноземцы, донские, украинских городов и астраханские «ратные всякие люди» на службу на тот момент не прибыли [17, с. 390; 18, с. 381]. Нетчиков, среди которых отмечены и татары, сыскивали, наказывали и отправляли в полки [3, с. 395–396].

С учётом запоздавших лиц и возвращённых нетчиков всего в военных действиях под Смоленском участвовало 1125 служилых татар, мурз и князей понизовых городов (по документу ошибочно 1127) против 1231 чел. в первоначальном наряде (по документу ошибочно 1228); 68 были записаны в рейтары, а 38 оказались в нетях (в документе ошибочно 70 и 34 соответственно)¹³. Отдельно отмечены татары и новокрещены ярославские, переяславские и романовские: 234 чел. по наряду (в документе ошибочно 227), 187 «в естех» (в документе ошибочно 198) и 34 нетчика¹⁴. Таким образом, доля служилых татар оказалась даже выше, чем по разрядам – почти 5,5%.

Казанские татары по наряду насчитывали 88 ч., «в естях» было 86; сви-яжских по наряду и «в естях» – 55; курмышских по наряду и «в естях» – 7; алатырских по наряду – 159, «в естях» – 144, «в рейтарех» – 18; касимовских по наряду – 268, «в естях» – 258, «в рейтарех» – 9; темниковских по наряду – 225, в наличии – 219, в рейтарах – 3, в нетях – 1; арзамасских по наряду – 147, в наличии – 131, в рейтарах – 16; кадомских – по наряду 174, в наличии – 148, в рейтарах – 11, в нетях – 14; шацких по наряду – 88, в наличии – 61, в рейтарах – 11, в нетях – 15; юртовских по наряду – 20, в наличии – 16, в нетях – 4; ярославских по наряду – 79, в наличии – 61, в нетях – 14; романовских по наряду – 139, в наличии – 117, в нетях – 20, раненых и больных – 2; переяславских – 9 человек.

Но далеко не все ратные люди были отправлены под Смоленск. Некоторое их число осталось по домам на случай новой мобилизации, а часть продолжала нести полковую службу в городах и на окраинах России. В их задачу входило охранение пограничья от крымских и ногайских набегов. Ещё весной 1632 г. 70 татар и новокрещенов Московских городов находились в Сторожевом полку в Крапивне, состоявшем из 489 человек (в ноябре со службы было отпущено уже 69 новокрещенов) [11, с. 639–640, 692]. Неуказанное число кормовых татар было среди 1,3 тыс. служилых людей в Нижнем Новгороде. Интересно, что в Арзамас были направлены служилые татары, мурзы и князья из разных городов (если в данном случае это не ошибка переписчика или дьяков) – 1470 человек (всего в Арзамасе находилось 1844 ратника) [11, с. 662]. Судя по документам об отпуске со службы в ноябре 1632 г., в этот год в Переславле-Рязанском также служили татар – 322 темниковских и 166 кадомских [11, с. 692–693]. В Вязьму на польское направление были посланы в числе прочих ратников 124 романовских новокрещена [11, с. 668]. С весны 1633 г. 322 темниковских и 166 кадомских татар снова должны были засту-

¹³ Ф. 210. Оп. 9. №105. Лл. 93–97.

¹⁴ Ф. 210. Оп. 9. №105. Лл. 113–114.

путь на службу в Переславле-Рязанском. В наказах воеводам предписывается попавшим в плен служилым людям говорить о стоящих по всем украинным городам многочисленных полках из дворян, литвы, казаков, татар казанских и всех понизовых городов. В Крапивне в Сторожевом полку числились новокрещены и татары Московских городов (Боровска, Московского, Коломенского, Каширского, Калужского, Серпуховского уездов). Несколько кормовых татар служили в Нижнем Новгороде [11, с. 695, 698, 711, 729]. В Ярославле – 5 кормовых мурз, 11 татар и новокрещенов. При Казани числятся 275 служилых князей, мурз, татар и новокрещенов с татарским головой (причём казанские татары служат только в случае тотальной мобилизации); трое служилых татар – в Уфе; 205 татар, мурз, князей и новокрещенов в Свияжске. В Курмыше отмечено 124 служилых татарина, в Алатыре – 420 татар и мурз, в Темникове – 386, в Кадоме – 250, в Касимове – 409 [11, с. 739, 741–743, 746, 750]. С учётом разрядов Смоленского похода видно, что на войну должны были выступать только «половины» служилых татар, а другие «половины» – остаться дома или в уездных центрах. Но в последнем случае за 1633 г. приводятся цифры, идентичные Смете 1631 г., что может говорить об отсутствии указанных служилых татар под Смоленском. Однако актовый материал свидетельствует об участии в военных действиях касимовских татар (если брать перечень 1633 г.), поэтому вероятнее другое объяснение: в условиях военного времени дьяки просто не пересчитывали «на лицо» всех служилых по уездам, а вписали цифры из Сметы. Другое дело, что в посланных под Смоленск «половинах» действительно был значительный недобор: многие ратники остались «по домам» или бежали со службы, а часть просто задержалась в дороге. Тем не менее, в октябре 1632 г. начались военные действия.

В том же месяце по царскому наказу М.Б. Шеиным и А.В. Измайловым под Дорогобуж были посланы с Ф. Сухотериным дворянские сотни, донские казаки и татары, которые блокировали город, дав подойти к нему полковнику Лесли с пешими немецкими и русскими людьми для осады. Город сдался 18 октября. В том же наказе предписывалось «промышлять» литовские и польские заставы и острожки, рассылая голов с сотнями, дворян, детей боярских, казаков, новокрещенов и татар [11, с. 381, 400, 401]. В Дорогобуже был оставлен гарнизон, включавший также романовских новокрещенов [11, с. 452].

«Сотни» дворян, татар и других ратных людей посылались и к другим городам. Царским указом «сотням» предписывалось идти изгоном к Белой (совр. г. Белый Тверской обл.), захватить языков и отогнать скот. Городок был вскоре занят российскими войсками. «Сотни» были посланы также под Трубчевск, Серпейск «и под иные города». Другой целью «сотен» дворян, татар и казаков стали заставы и острожки «литовских людей», над которыми следовало «промышлять» [11, с. 414, 418–420]. Началось продвижение основных сил к Смоленску, чему мешали плохая погода и испортившиеся дороги.

Дабы не настраивать против себя местное население, всем служилым людям настрого запрещалось грабить его, а продукты и прочее предписывалось покупать по нормальной цене [11, с. 409]. Тем не менее, ратники тайком «промышляли» над местным населением. Известен случай, когда служилые татары войска кн. Шеина повязали двух крестьян, жену и дочь одного из них, и, не ведя их к воеводе, увели за Москву по Ржевской дороге. Однако полоняники убежали от татар в лес и явились в Москву [29, с. 416–417]. Видимо,

татары, обедневшие не только из-за малоземелья, но и запустения уделов, пытались таким образом поправить своё материальное благосостояние. К тому же подвоз продовольствия был налажен плохо, из-за чего служилые стали голодать [28, с. 414–415].

М.Б. Шеин 9 ноября послал из Дорогобужа под Смоленск голов с сотнями, атаманов с казаками и татар с заданием встать в Долгомостье (за 30 вёрст от города) и на Сверковых Луках (за 40 вёрст), и ставить острожки [25, с. 417]. Основное войско продвигалось медленно, и только в декабре подошло к Смоленску. От осаждённого города воеводы рассылали отряды для «промысла» над мелкими группами неприятеля и захвата языков. Так, посланный 15 декабря отряд под началом Степана Мёртвого, состоявший из казаков, касимовских и арзамасских татар, уже 17 числа привёл нескольких польских, литовских и белорусских ратников, вёзших в Смоленск листы от стоявшего в Орше А. Гонсевского [19, с. 433–434]. Затем 27 декабря дворянские сотни, казаки и татары под началом того же Степана Мёртвого были направлены в Мстиславльский и Оршанский уезды. Вернулись они 3 января 1633 г., побив «литовских людей», приведя языков и полоняников. Несмотря на удачу, М.Б. Шеин сетовал в отписке царю на нехватку людей, бегство многих из них со службы и неявку нетчиков [16, с. 438–439]. Взятых же в тех уездах языков воеводы направили в Москву в сопровождении касимовского мурзы – «князя Алея Семенева» [23, с. 439–440]. По замечанию рецензента настоящей статьи, мурза не мог быть одновременно и князем, и в данном случае в документе допущена ошибка. Упомянут же тут Алей-мурза князь Семинев, известный по смотренному списку касимовских татар Царёва двора за 1623 г. как обладатель 300 четей земли [34, с. 381–383].

Российские войска стояли станами вокруг окружённого Смоленска. Расположение станов частично восстанавливается благодаря дошедшей документации. М.Б. Шеин со своими силами и поставленным острогом стоял у монастыря Духа Святого, или же Духова монастыря, что к востоку от Смоленска и на берегу Днепра. Татары же «стоят за острогом, близко ж Духова монастыря» [24, с. 441–442].

Известно также, что 6 февраля романовские татары вместе с несколькими сотнями других ратников из подразделений кн. С. Прозоровского и Б. Нагово были посланы «под таборы» поляков и литовцев, и участвовали в бою в 15 верстах от с. Красного. Литовцы были разбиты [26, с. 458–459].

Артиллерия долго добиралась до лагеря, и обстрел Смоленска был начат только в конце зимы. Всё это время поляки и литовцы концентрировали войска для удара по осаждающим. Небольшие польские отряды ходили под Смоленск и в окрестности. В небольшом ночном бою, произошедшем 17 марта, участвовали татары и донские казаки; литовцы были обращены в бегство [27, с. 480]. Началась долгая осада Смоленска. В это время польско-литовские отряды продолжали приходить под город, но их нередко побивали осаждающие. Зато активизировались ногайцы и крымцы – они принялись совершать набеги на окраинные уезды Московского царства. В июне был издан указ нескольким воеводам с ратями выступить за Москву-реку по Серпуховской и Коломенской дорогам. На первую из них были направлены Б.М. Лыков и И.Ю. Плещеев; помимо 1388 ратников с ними числились 26 человек «переводчиков и толмачей, и станичных Татар» [11, с. 515–516]. Не направ-

ленные под Смоленск служилые татары были задействованы против «крымских людей» и на других направлениях. Известно, что 23 июля 1633 г. в Переяславский уезд (имеется в виду Переяславль-Рязанский), в село Никольское пришли крымские татары, против которых были посланы головы Михаил Панов и Григорий Ливонов с дворянами, детьми боярскими и темниковскими татарами. Крымцы были разбиты [6, с. 509].

Осада продолжалась, припасы кончались, жалование не подвозилось, а люди разбежались со службы. Нетчиков искали и отправляли назад. Также был назначен сбор даточных людей с бояр, московских дворян, стольников и др. Касалось это и больших мурз. С каждых 300 четей земли они должны были выставить двух пеших людей с пищалями [20, с. 515–516].

Бежали со службы и татары (в частности, ярославские). Воевода Шеин постоянно сообщал о нетчиках в Москву. В конце сентября в Ярославле В.Р. Бярятинский должен был собрать нетчиков из дворян, новокрещенов, татар и мурз, рассмотреть их «воровство» и отослать снова под Смоленск. У тех, кто сбежал со службы, отнималась четверть земли; она передавалась тем служилым, что остались на службе, причём участки татар должны были передаваться татарам. У тех же служилых, кто взял жалование, а на службу не явился вовсе, поместья конфисковались (земля передавалась также служившим ратникам соответствующих категорий). Всё же оговаривалось, что наказанию не подлежали те служилые, что не вышли на службу или с неё уехали по болезни и другим уважительным причинам, а также предписывалось возвращать урезанные земли и поместья тем, кто вернётся под Смоленск и будет нести государеву службу [15, с. 528–530]. Такая работа, судя по всему, велась и в других уездах.

После нескольких месяцев осады Смоленск всё также оставался неприступен, зато польско-литовские силы продолжали концентрироваться недалеко от российских войск и наращивать своё присутствие непосредственно в близи города. В связи с разорением крымскими татарами южных уездов России усилилось дезертирство – многие служилые уезжали спасать свои поместья и семьи [11, с. 616]. С конца лета королевские войска начали штурмовать русские позиции. Полки боярина Шеина оказались фактически в осаде, несли потери и сдавали позиции.

В октябре 1633 г. по России была объявлена тотальная мобилизация. На службу прибирали всех, кого можно, включая тысячи даточных людей от монастырей, бояр и др., ясачных черемисов, чувашей, мордву, многочисленных нетчиков, которых сыскивали по уездам. В Можайской группировке войск, которой командовали Д.М. Черкасской и Д.М. Пожарский, на бумаге числилось около 19093 ратников. Служилые татары составляли 14% от её численности, насчитывая (по крайней мере, на бумаге) 2691 чел. Среди них 275 казанских, 205 свияжских¹⁵, 155 курмышских¹⁶, 580 касимовских, 550 темниковских, 347 кадомских, 359 алатырских и 220 арзамасских татар [11, с. 546, 550–554]. Если сравнить эти цифры с предыдущими, то выходит, что в новое войско набирали не только оставшиеся «половины» и бежавших из-под Смоленска нетчиков, но, видимо, также недорослей и даточных людей, поскольку числен-

¹⁵ С новокрещенами.

¹⁶ С тарханами.

ность татар от Темникова, Касимова, Курмышы, Кадома значительно превышает ту, что указана в Смете 1631 г. Причём снова возникает вопрос об участии татар этих уездов в войне, поскольку при нахождении одних «половин» под Смоленском при октябрьской мобилизации даже при дополнительном наборе не могло получиться таких цифры. Или татары ещё не были на войне, или они все к тому времени съехали из-под Смоленска, или же это неточность переписи. Варьирует только численность алатырских татар; можно даже предположить, что причиной этого стал отъезда из полевого войска 98 татар, которые и призывались в октябре вместе с другой «половиной».

В войсковой группировке, которая под командованием М.И. Одоевского должна была собираться во Ржеве, числилось 3520 ратников, включая 129 романовских татар (а также 42 новгородских и 50 ярославских новокрещенов) [11, с. 554–555]. В калужской группировке из приблизительно 3388 ратников числились 185 татар и новокрещенов «разных городов» (повидимому, московских) [11, с. 555–557, 582]. Всего, таким образом, в новом походе должны были участвовать не менее 2820–2900 служилых татар (включая съехавших из-под Смоленска ранее). Цифры показывают потенциальную численность служилых людей, но собрать удалось во много раз меньше. У воевод Пожарского и Черкасского, судя по всему, набралось не более 4–5 тыс. ратников [35, с. 162; 33, с. 125, 127]¹⁷, причём они, судя по всему, у Можайска были потрёпаны поляками [33, с. 125, 126].

К выступлению войска были готовы только к февралю 1634 г. [4, с. 572–573; 11, с. 543]. Однако было поздно – в феврале воевода Шеин капитулировал. Несмотря на казнь неудачливого воеводы, по царскому указу предполагалось выплатить денежное жалование служилым, что были под Смоленском (и к тому времени в конец обнищали). При этом те ратники, что проявляли нестойкость и съезжали с прежних станов при подходе королевского войска, получали жалование в урезанном виде (так, если их оклад был 25 руб., то теперь только 20 руб.) [11, с. 573–574, 578, 586–588].

Имеются сведения о полонённых, убитых и умерших татарах. Среди 67 военнопленных из основного войска кн. Шеина было 12 или 8 темниковских, 4 шацких и 8 курмышских татар¹⁸. Помимо более чем 550 русских ратников, под Смоленском погибло 40 татар, а именно: 11 касимовских, 8 темниковских, 2 юртовских, 1 шацкий, 7 кадомских, 3 алатырских, 5 арзамасских, 1 казанский и 2 курмышских татар, а также 2 казанских новокрещенов¹⁹. Находившиеся в Передовом полку воеводы С.В. Прозоровского романовские татары также понесли потери: осенью 1632 или в 1633 г. двое из них были убиты под Велижем, один попал в полон под Смоленском²⁰.

Рассмотрев сведения о службе российских татар в 1619–1634 гг., мы можем сделать следующие выводы.

Между Деулинским перемирием и Смоленской войной отмечается постоянное назначение татар (и, судя по всему, служилых людей других категорий) в одни и те же места (с редкими исключениями). Так, арзамасские татары в 1620–1630 гг. несли службу в Передовом полку, квартировавшем в Дедилове

¹⁷ Ю.М. Эскин в ссылке на С.К. Смирнова указал ошибочные страны [35, с. 122–123].

¹⁸ Ф. 210. Оп. 9. №105. Лл. 69–70.

¹⁹ Ф. 210. Оп. 9. №105. Лл. 72–74.

²⁰ Ф. 210. Оп. 9. №83. Столпик 6. Л. 9.

(кроме 1622 и 1631 гг.). В 1629 г. их «половина» находилась также в Арзамасе. Алатырские татары по какой-то причине отмечаются только с 1625 г. и всегда в Алатыре. Кадомские татары в 1620–1621, 1623–1624 гг. несли службу в Михайлове (в 1622 г. – в Переславле-Рязанском, в 1631 г. – в Кадоме), а в 1625–1630 гг. – по «половинам» в Михайлове и Кадоме. В Михайлове же служили в 1620–1630 гг. касимовские татары; в 1622 г. часть их отмечается в Пронске, а в 1625–1630 гг. – по «половинам» в Михайлове и Касимове (в 1631 г. – только в Касимове). Темниковские служили в 1620–1621, 1623–1624 гг. в Переславле-Рязанском, а в 1625–1630 гг. по «половинам» – там и в Темникове (в 1631 г. – только в Темникове). Цненские татары отмечены в 1620–1621, 1623, 1625–1630 гг. в Пронске, а в 1622 г. – в Шацке. Курмышские татары отмечены только в 1625–1631 гг., и всегда в Курмыше. Бардаковские татары, видимо, все крестившиеся к 1630 г., всегда служили в Переславле-Рязанском, свияжские (в 1628–1631 гг.) – в Свияжке. Романовские татары в 1620, 1621 и 1623 гг. были в Сторожевом полку на Крапивне, а в 1626–1628, 1630–1631 гг. – в Вязьме. Казанские князья, мурзы, татары и новокрещены отмечены только при Казани (1625–1631 гг.), причём на службу выезжать должны только в случае тотальной мобилизации (как и ясачные инородцы уезда). Наконец, татары и новокрещены московских городов (из уездов Московского, Боровского, Коломенского и Серпуховского в 1620 г., из Московского и Боровского – в 1621 г.) несли службу в составе Большого полка на Туле, а в 1622 г., включая также калужских, каширских и малоярославских татар и новокрещенов – по случаю польской угрозы находились в Вязьме. В 1623–1627 гг. следует пропуск, после чего они в этом же составе служат в Сторожевом полку на Крапивне (1628–1631 гг.). Из этого можно предположить, что служилые татары и новокрещены московских городов после 1622 г. сильно обеднели и не могли нести службу несколько лет. Сведения разрядов 1625–1630 гг. показывают и численность служилых татар, одновременно числившихся на службе в «украинных» и уездных городах: от 2204 до 2793 (или 2947) человек.

Рассмотрев общие сведения об участии служилых татар в Смоленской войне, отметим конкретные задачи, возлагавшиеся на них, особенности службы во время этого военного конфликта, место татар в вооружённых силах России начала 30-х гг. XVII в.

Служилые татары составляли около 4,4% от полевого войска, но только на бумаге – многие служилые люди по бедности и иным причинам²¹ не смогли прибыть на службу, или же опаздывали. Начало войны показало, насколько ещё не были изжиты последствия Смуты – большое число ратников числилось в нетчиках – они или съезжали из-под Смоленска, или вовсе не являлись на службу; многие промышляли грабежом и уводили в полон местное население. Всё это относилось и к татарам. Тем не менее, в войне приняли участие свыше 13 сотен татар (не считая нескольких десятков, записанных ранее в рейтары), составлявших даже большую долю от наличного войска – почти 5,5%.

В войне служилые татары выполняли те же задачи, что и дворяне, дети боярские и казаки. Их мобильные «сотни» посылались впереди основного войска для блокировки городов, захвата языков и проведывания неприятеля, с не-

²¹ Большею частью именно по бедности. Выше приводились данные за 1625 г. по нескольким группам служилых татар, в которых самой частой причиной нетства была бедность. За несколько лет до войны решить эту проблему, как видно, не удалось.

большими отрядами которого происходили стычки. Татары, как и дворяне, ставили заставы и острожки на подходе к Смоленску. Согласно обнаруженным нами сведениям, в войне погибло не менее 40 татар, а почти 30 попали в полон. Это значительные потери – как на фоне численности привлечённых к войне татар (свыше 5% от их числа), так и общих потерь. Смоленская война показала не только всё ещё слабое материальное обеспечение поместного войска, но и его отставание в эффективности от рейтарских формирований. Царское правительство после 1634 г. продолжило усиленно наращивать количество и качество рейтар, драгун и солдат, в число которых записывали и служилых татар.

В Смоленской войне приняли участие не все татары – не считая большого числа нетчиков, приблизительно половина татар оставалась дома или в пограничных городках на службе, и отражала набеги степняков. В конце войны основная масса этих татар была направлена в новое войско для похода к Смоленску, но вступить в войну оно не успело. Трудно даже точно сказать, сколько служилых татар в итоге поучаствовало в Смоленской войне, поскольку многие служилые опаздывали на смотры, съезжали из войска или не являлись вовсе. По актовому материалу видно, что там служила какая-то часть татар арзамасских, касимовских, романовских и ярославских.

В целом, мы видим, что служилые татары продолжали оставаться заметной частью поместного войска, которое, однако, уже не могло на равных выступать против польских вооружённых сил, в значительной степени сформированных в соответствии с современным уровнем европейской военной мысли. Во многом снижение эффективности поместного войска (и входивших в него татар) обуславливалось тяжелейшим экономическим положением Российского царства после Смуты. Предварительное рассмотрение последующей военной истории служилых татар, а также общие сведения о кризисе поместного войска и реформах вооружённых сил, позволяют сделать вывод о том, что Смоленская война стала важным рубежом для служилых татар, после которого их военное значение окончательно упало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.
2. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. 502 с.
3. Государева грамота боярину М.Б. Шеину с товарищами о высылке к ним в полки нетчиков из городов [27 сентября 1632] // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / ред. Н.А. Попов. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890 (далее – Акты Московского государства). № 413. С. 395–396.
4. Государева грамота воеводам, кн. Ф. Куракину и кн. Ф. Волконскому, о сходе с боярином, князем Д.М. Черкасским, для промысла над литовскими людьми // Акты Московского государства. № 616. С. 572–573.
5. Государева грамота на Тулу воеводам о наблюдении за татарами и о принятии мер против их набегов [21 июля 1625] // Акты Московского государства. №183. С. 198–199.

6. Дело по челобитью рязанца М. Панова о жаловании его поместью и денежной придачей за бой с татарами, за головство и за двух взятых им в плен татар [28 июля 1533] // Акты Московского государства. № 535. С. 509.

7. Доклад и боярский приговор о нетчиках [1625] // Акты Московского государства. №185. С. 199–202.

8. Доклад и царский указ по челобитью служилых людей украинских городов об отпуске их со службы [30 июня 1627] // Акты Московского государства. №194. С. 212–214.

9. Илюшин Б.А. Российские служилые татары в войнах против поляков и шведов в 1613–1618 гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, №4. С. 766–782.

10. Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб.: Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. 1. 1380 стб.

11. Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб.: Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. 1398 стб.

12. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, 2000. 208 с.

13. Малов А.В. Выходцы-татары на русской службе в первой половине XVII в.: вопросы источниковедения и просопографии // Средневековые тюрко-татарские государства. №4. Казань, 2012. С. 173–181.

14. Меньшиков Д.Н. Затишье перед бурей. Боевые действия под Смоленском в июле-августе 1633 года // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. 2. С. 105–119.

15. Наказ князю Василью Борятинскому о сборе в Ярославском уезде детей боярских, новокрещеных и татар, сбежавших со службы из-под Смоленска, и об отводе их снова под Смоленск // Акты Московского государства. № 556, С. 528–530.

16. Отписка боярина М.Б. Шеина о посылке в Москву головы Степана Мертвого с сеунчем о бое с литовскими людьми и с языками [4 января 1634] // Акты Московского государства. № 475, С. 438–439.

17. Отписка боярина М.Б. Шеина с товарищами о нетчиках [сентябрь 1632] // Акты Московского государства. № 399, С. 390.

18. Отписка боярина М.Б. Шеина с товарищами о нетях, и об отсутствии у них в полках переводчиков [23 августа 1632] // Акты Московского государства: №381. С. 381.

19. Отписка боярина М.Б. Шеина с товарищами об отсылке ими в Москву литовских языков, шляхтича Ал. Лабьга с товарищами, с приложением их расспросных речей [декабрь 1632] // Акты Московского государства. №468. С. 433–434.

20. Память из Розряда боярину Ю.Я. Сулешову с товарищами о взятии со всех поместий и вотчин даточных людей [31 августа 1633] // Акты Московского государства. № 542. С. 515–516.

21. Память из Розряда в Посольский приказ об отсылке списков Романовских татар к кн. Д. Пожарскому для разбора их [15 января 1631] // Акты Московского государства. №301. С. 326.

22. Память из Розряда в Посольский приказ о присылке списков Ярославских поместных и кормовых мурз и татар для разбора их [26 января 1631] // Акты Московского государства. №302. С. 326–327.

23. Распрос в Розряде выезджаго немчина Ричарда Стивенса, присланного из-под Смоленска боярином М.Б. Шеиным с товарищами [январь 1633] // Акты Московского государства. № 477. С. 439–440.

24. Распрос в Розряде жильца Ивана Басова, приехавшаго из полков от боярина М.Б. Шеина из-под Смоленска [январь 1633] // Акты Московского государства. № 479. С. 441–442.

25. Распрос в Розряде казака Ивана Петрова, присланного из-под Дорогобужа с отписками [ноябрь 1632] // Акты Московского государства. № 445. С. 417.

26. Распрос в Розряде калужанина Кузьмы Бегичева, прибывшаго в Москву с языком, с Р. Синкальтом, от воеводы Б. Нагово, и распрос языка [16 февраля 1633] // Акты Московского государства. № 495. С. 458–459.

27. Распрос в Розряде Юрьевца-Польскаго Якима Новокшенова, прибывшаго в Москву из-под Смоленска от боярина М.Б. Шеина с товарищами с отписками [24 марта 1633] // Акты Московского государства. № 508. С. 480.

28. Распрос в Розряде сына боярского Ивана Ростопчина, прибывшаго к Москве из полков с отписками [14 ноября 1632] // Акты Московского государства. № 442. С. 414–415.

29. Распросныя речи в Розряде крестьян Дорогобужского уезда Евдокима Анисимова и Терентья Афанасьева об их выходе [ноябрь 1632] // Акты Московского государства. № 444. С. 416–417.

30. Салихов Р.Р., Исхаков Р.Р. Роль служилых татар Мещеры в отражении набегов ногайских кочевников и заселении южного Предволжья Горной стороны // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 4. С. 808–821.

31. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Исторические судьбы мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород: Медина, 2001. 416 с.

32. Сметный список 7139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 4. М.: Университетская типография, 1849. С. 18–51.

33. Смирнов С.К. Биография князя Дмитрия Михайловича Пожарского. М.: Унив. тип., 1852. 136 с.

34. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // А.В. Беляков. Рязанская старина. 2004–2005 / сост. А.О. Никитин, П.А. Трибунский. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 381–383.

35. Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М.: Квадрига, ЗебраЕ, 2013. 352 с.

Сведения об авторе: Борис Анатольевич Илюшин – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: arunta-desert@yandex.ru

*Поступила 22.06.2022 Принята к публикации 24.08.2022
Опубликована 29.09.2022*

REFERENCES

1. Belyakov A.V. Chingisids in Russia XV–XVII centuries: prosopography research. Ryazan, 2011. 512 p. (In Russian)
2. Vel'yaminov-Zernov V.V. Research about Kasimov tsars and princes. Vol 3. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1866. 502 p. (In Russian)
3. Monarch's document to boyar M.B. Shein with comrades about the expulsion of deserters from the cities to their troops. *Acts of the Moscow state, published by the Imperial Academy of Sciences / ed. N.A. Popov. Vol. 1. Razryad prikaz. Moscow table. 1571–1634.* Saint Petersburg, 1890 (forward – *Acts of the Moscow state*), no. 413, pp. 395–396 (In Russian)
4. Monarch's document to the voivods, to prince F. Kurakin and prince F. Volkonskoy about gathering with boyar prince D. M. Cherkasky for «fishing» over Lithuanian people. *Acts of the Moscow state*, no. 616, pp. 572–573 (In Russian)
5. Monarch's document to Tula to voevods about the observation of Tatars and measures against their raids] *Acts of the Moscow state*, no. 183, pp. 198–199 (In Russian)
6. The case on the petition of Riazan M. Panov on salary and its local cash bargain for the battle with the Tatars, for commandership and two taken prisoner Tatars. *Acts of the Moscow state*, no. 535, pp. 509 (In Russian)
7. The report and the boyar's verdict on the deserters. *Acts of the Moscow state*, no. 185, pp. 199–202 (In Russian)
8. Report and Royal decree on the petition of serving people of border cities about leave from service. *Acts of the Moscow state*, no. 194, pp. 212–214 (In Russian)
9. Ilyushin B.A. Tatars in the Service of Russia in the Wars against the Poles and Swedes in 1613–1618. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review.* 2018, vol. 6, no. 4, pp. 766–782. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-4.766-782 (In Russian)
10. Razryad books, published according to official lists with the highest permission by the second department of His Imperial Majesty's own office. Saint Petersburg: Printing house of the 2nd department of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1853. Vol. 1. 1380 p. (In Russian)
11. Razryad books, published according to official lists with the highest permission by the second department of His Imperial Majesty's own office. Saint Petersburg: Printing house of the 2nd department of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1855. Vol. 2. 1398 p. (In Russian)
12. The service “city” of the Moscow state of the XVII century (From the Time of Troubles to the Sobornoye Ulozheniye). Yaroslavl: Publishing House of the Yaroslavl State Pedagogical University of K.D. Ushinskogo, 2000. 208 p. (In Russian)
13. Malov A.V. Tatar-immigrants in the Russian Service in the First Half of the 17th Century: Questions of Source Studies and Prosopography. *Medieval Turkic-Tatar states.* Kazan, 2012, no. 4. pp. 173–181 (In Russian)
14. Menshikov D.N. The calm before the storm. Combat actions near Smolensk in July-August 1633. War and Weapons: New research and materials. Scientific and practical conference. May 12–14, 2010. Saint Petersburg, 2010. Part 2, pp. 105–119 (In Russian)
15. Order to Prince Vasily Boryatinsky to collect in the Yaroslavl district the «children of boyars», novokreschens and Tatars who escaped from the service from near Smolensk, and to withdraw them again to Smolensk. *Acts of the Moscow state*, no. 556, pp. 528–530 (In Russian)
16. Reply of the boyar M.B. Shein about the departure of head Stepan Mertvy to Moscow with a seunch about the battle with the Lithuanian people and with prisoners of war. *Acts of the Moscow state*, no. 475, pp. 438–439 (In Russian)

17. Reply of the boyar M.B. Shein with comrades about the deserters. *Acts of the Moscow state*, no. 399, pp. 390 (In Russian)

18. Reply of the boyar M.B. Shein with comrades about the deserters, and about absence of translators in their regiments. *Acts of the Moscow state*, no. 381, pp. 381 (In Russian)

19. Reply of the boyar M.B. Shein with comrades about departure of Lithuanian prisoners of war in Moscow, nobleman Al. Labyt with his comrades, with the application of their answers. *Acts of the Moscow state*, no. 468, pp. 433–434 (In Russian)

20. The memory from Razryad prikaz to boyar Y.Y. Sulechow with his comrades about taking with all demesnes and fiefs of the peoples. *Acts of the Moscow state*, no. 542, pp. 515–516 (In Russian)

21. Memory from Razryad to the Embassy prikaz on dispatch of lists of Romanov Tatars to prince D. Pozharsky for their muster. *Acts of the Moscow state*, no. 301, p. 326 (In Russian)

22. Memory from the Rozryad to the Embassy prokaz about sending of lists of Yaroslavl fief's and salary murzas and Tatars for their muster. *Acts of the Moscow state*, no. 302, pp. 326–327 (In Russian)

23. Questioning in Razryad of nemchin Richard Stevens sent from the Smolensk by boyar M.B. Shein and comrades. *Acts of the Moscow state*, no. 477, pp. 439–440 (In Russian)

24. Questioning in Razryad of “lodger” warrior Ivan Basov who came from the regiments of the boyar M.B. Shein from near Smolensk. *Acts of the Moscow state*, no. 479, pp. 441–442 (In Russian)

25. Questioning in Razryad of cossack Ivan Petrov sent from under Dorogobuzh with messages. *Acts of the Moscow state*, no. 445, pp. 417 (In Russian)

26. Questioning in Razryad of Kaluzhanin Kuzma Begichev, who came in Moscow with prisoner of war, with R. Sinkalt, from voevod B. Nagoy, and interrogation of prisoner of war. *Acts of the Moscow state*, no. 495, pp. 458–459 (In Russian)

27. Questioning in Razryad of Yur'evts-Pol'sky's Yakim Novokshchenova, who arrived in Moscow from near Smolensk from the boyar M.B. Shein with his comrades with messages. *Acts of the Moscow state*, no. 508, p. 480 (In Russian)

28. Questioning in Razryad of boyar's son Ivan Rostopchin who arrived in Moscow from near Smolensk with messages. *Acts of the Moscow state*, no. 442, pp. 414–415 (In Russian)

29. Questioning in the Razryad of peasants of Dorogobuzh district, of Evdokim Anisimov and Terenti Afanasyev about their exit. *Acts of the Moscow state*, no. 444, pp. 416–417 (In Russian)

30. Salikhov R.R., Iskhakov R.R. The Role of the Serving Tatars of Meschera in the Repulsion of Nogai Raids and the Population of the Southern Cis-Volga Region's “Hill Bank Land”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 4, pp. 808–821. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-4.808-821 (In Russian)

31. Senyutkin S.B. The history of the Tatars of the Nizhny Novgorod Volga region from the last third of XVI to the beginning of XX centuries (historical fates of Mishars of Nizhny Novgorod region). Nizhny Novgorod: Medina, 2001. 416 p. (In Russian)

32. Estimated list of 7139. Annals of imperial Society of History and Antiquities of Russia. Book 4. Moscow: University printing house, 1849, pp. 18–51 (In Russian)

33. Smirnov S.K. Biography of prince Dmitry Mikhailovich Pozharsky. Moscow: Univ. tip., 1852. 136 p. (In Russian)

34. The reviewed list of Kasimov Tatars of the Tsarev court and the Seitov regiment of 1623. A.V. Belyakov. Ryazan antiquity. 2004–2005 / comp. A.O. Nikitin, P.A. Tribunskiy. Ryazan: Kraj, 2006. Vol. 2–3, pp. 381–383. (In Russian)

35. Eskin Yu.M. Dmitry Mikhailovich Pozharsky. Moscow: Kvadriga, ZebraE, 2013. 352 p. (In Russian)

About the author: Boris A. Ilyushin – Cand. Sci. (History), Junior Research Fellow of the Laboratory for Humanitarian Research, Novosibirsk State University (1, Pirogov Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation). E-mail: arunta-desert@yandex.ru

Received June 22, 2022 Accepted for publication August 24, 2022

Published September 29, 2022